

В 2017 году исполнилось 90 лет со дня рождения (и 22 года со дня смерти) духовного лидера православно-патриотического движения, всероссийского проповедника, христианского мыслителя и писателя, митрополита С.-Петербургского и Ладужского Иоанна (И. М. Снычева).

Прах его в земле, но Слово и Заветы митрополита продолжают гореть благодатным огнем веры, надежды, любви, мудрости, оставаясь ярким духовным светильником, прорезающим мрак и непогоду русской действительности.

Смерть владыки означала утрату главного охранного щита русских патриотов в Петербурге. Город осиротел, его покинул “удерживающий”, который неколебимо противостоял беснованию и хищной разнузданности русофобов в северной столице – городе агрессивно антирусском.

Петербургцы особенно чутко ощущали постоянную незримую защиту и поддержку митрополита. Неисчерпаемым источником духовных сил для его горячих почитателей являлось сознание того, что в одном с ними городе живет этот добрый, мудрый наставитель, бесстрашный защитник Святой Руси и грозный обличитель ее врагов, мужественный инок-воитель и истовый молитвенник, всегда открытый людям.

Отныне 2 ноября (день смерти владыки) в русском историческом календаре – день двойного траура: в этот же день в 1894 году скончался Александр III, из династии Романовых наиболее преданный русскому народу государь (для меня это еще и дата родового скорби – 2 ноября 1918 года латышско-большевистские палачи расстреляли моего деда – священника). В православных святцах можно прочесть, что это и день поминовения святого великомученика Артемия – военачальника времен императора Юлиана, которого он смело обличал за нечестие и отступничество от веры Христовой. После мучительных пыток Артемий был обезглавлен...

Такими совпадениями не исчерпываются мистические акценты, которые судьба расставила в пространстве жизни и смерти владыки Иоанна. Накануне – память Иоанна Рыльского, во славу которого родившийся в этот день святой праведный Иоанн Кронштадтский выстроил на набережной Карповки монастырь. Наш митрополит скончался в помещении, находящемся в какой-нибудь сотне метров от монастыря с гробницей Кронштадтского чудотворца... Первая служба владыки, поставленного на петербургскую кафедру в 1990 г., состоялась в августе того же года, в праздник Смоленской иконы Божьей Матери, в храме на Смоленском кладбище. И последняя его литургия тоже была отслужена в день Ярославо-Смоленской иконы Пресвятой Девы, за неделю до кончины...

Пять лет прослужил митрополит Иоанн в Петербурге. Срок по земным меркам совсем небольшой. Но какой великий смысл заключился в этом пятилетии,

какое огромное дело было совершено. Из уст владыки прозвучало Слово, которого жаждалась православная Россия, весь народ. Слово правды и напутствия, гнева и боли, обличения и взыскующих вопросов, Слово надежды и горячей уверенности в том, что если заблудившиеся люди вернуться к Богу, Россия возродится и народ русский не погибнет.

На краю пропасти мощная воля “смирненного” (перед Господом) архипастыря требовательно призвала всех нас опаматоваться, войти в разум, обратиться к нашему Создателю и вымолить его помощь. Овчье стадо обрело своего водителя, вдруг ощутило повелительную силу призыва, пронизанного Высшей Волей.

Русская православная церковь, стесненная частоколом бесчисленных административных ограничений, режимных барьеров, пребывавшая как бы в наступоженности, выжидательности, внезапно прорвала заслоны и подвижничеством митрополита Петербургского и Ладожского энергично вмешалась в духовно-исторические, нравственные и политические процессы страны. В роковые для России мгновения владыка героически спас честь церкви, исполнив основные заветы Христова Евангелия. Именно его деятельность петербургского периода знаменует начало нового этапа духовного возрастания нации и державного строительства Родины.

Книги, статьи, проповеди, интервью – неутомимое пастырское служение митрополита могуче повлияло на духовную жизнь страны, пробуждая и просветляя ее.

Ослабевший от страданий, нищеты и разрухи, ослепленный ложью, почти обезумевший от подлого пропагандистского дурмана официозной прессы, от непонимания того, что с ним делают, народ, как никогда, нуждался в духовном наставительстве и моральной поддержке. И они неожиданно, чудным образом явились. словно из-под спуда вырвался наружу сильный и животельный источник, к которому сразу жадно припали все сохранившие чувство патриотического долга перед Отчиной, потянулись тысячи блуждавших в потемках русских людей.

Высокое чистое слово правды звучало все пять лет его служения как тревожный набат. Красноречивые заголовки выступлений владыки: “Битва за Россию”, “Быть русским!”, “Русский узел”, “Плач по Руси Великой”, “Державное строительство”, “Торжество Православия”... Это не только религиозные и гражданские проповеди, но и репортажи с передовой линии, где кипит ожесточенная, непримиримая схватка с демоническими стихиями – битва за Родину; это раскаленные праведным возмущением и пронизанные скорбью свидетельства духовной брони за нравственное выздоровление, просвещение и политическое освобождение поставленного на колени русского человека, за возвращение ему национального достоинства, пробуждение воли к жизни и к победе над врагами.

Ясно видел владыка и причинно-следственные обстоятельства новейшего порабощения страны, сопровождавшегося “жесточайшим антирусским террором, развязанным в первые десятилетия советской власти, и тихим геноцидом русского народа, не прекратившимся до сих пор”.

“Одоление смуты. Слово к русскому народу” – название одной из книг митрополита, быть может, самой важной. Название как нельзя лучше характеризует направленность его пастырского служения. Оно заставляет вспомнить о подвиге другого иерея – святого праведного Иоанна, пресвитера и чудотворца Кронштадтского, который в начале нашего столетия, тогда еще в преддверии смуты, не устал будить и обличать народ, все более погружавшийся в пучины греха и богоотступничества.

Два великих Иоанна – в начале и в конце нашего века – это воздвигнутые Промыслом Божиим два светоносных столпа веры и мудрости, два пророка, которые поддержали над Россией Святое Небо, протянув дугу мистического преумства, не дали погаснуть огню сопротивления сатанинской мгле, опустившейся на русскую землю в XX столетии. Пока живо их слово, пока не утрачена наша память о них, наша готовность следовать за ними – жива Русь и светит надежда. Не случайно митрополит Иоанн так часто цитировал своего тезоименита. Оба звали к одному – восстановить и укрепить связи человека с Богом, связи как отдельной личности, так и соборной личности русского народа.

Одна из центральных по смыслу бесед-проповедей Митрополита названа строкой из Иоанна Кронштадтского — “Родиться русским есть дар служения”. Здесь раскрыта великая цель, вставшая перед Россией: сохранить, сберечь в чистоте и неприкосновенности Истины веры. Когда-то они были вверены народу израильскому, но он не удержал этих истин, оказался не соответствующим своему высокому призванию и после страшного преступления богоубийства был отвержен, отстранен от святого служения. Затем обет этого служения приняли христиане Древнего Рима. Позднее, когда в XII веке Рим “ввел недопустимые догматические новшества и отпал от вселенской полноты православия, служение сие у него было также отнято и передано Византии (Второму Риму)”. И, наконец, преемство хранителя Истины перешло к русскому православному государству, к русскому народу-богоносцу, понимаемому как соборная духовная общность.

Митрополит напоминал о святоотеческом заповедании: Россия как вселенская хранительница и защитница святого Православия есть “подножие Престола Господня”. На русских лежит великая ответственность — строить жизнь в соответствии со своим религиозным долгом. Завершается эта проповедь владыки замечательными словами о русском служении — одновременно жертвенном и героическом, высоком и скорбном: “До конца времен стоять преградой на пути зла, рвущегося к всемирной власти. Стоять насмерть, защищая собой Божественные истины и спасательные святыни Веры. Доколе мы помним об этом — жива Святая Русь, неодолима и страшна врагам — и нашим и Божьим! А за верность долгу и понесенные труды воздаст Господь воинам своим воздаянием великим и вечным, всех благ которого не может вместить ныне жалкое человеческое воображение”.

Все должны были осознать: только в этом стоянии насмерть — залог одоления страшной русской смуты. Только так может быть достигнут успех в решении главной задачи, которую обозначил митрополит: восстановить историческую преемственность русской духовной жизни.

Истоки смуты, спровоцированной Западом, уходят в трехвековую давность. Через “окно”, несмысленно прорубленное в Европу безбожным тираном Петром I, хлынула разноликая европейская гниль, на столетия вперед отравившая Русь своими ядовитыми испарениями. Сегодня мы пожинаем плоды трехсотлетнего западнического ига.

Смута — это одновременное нападение на страну извне и изнутри. Это перехват врагами центральной власти, истребление национальной элиты и тотальное ограбление народа. Это создание разрушительной “антисистемы” (в терминологии Л. Н. Гумилева) на основе межэтнической химеры. Тонны ядовитого семени были вприснuty в русское тело, достигнув эффектов, побочных радиации. На свет явились миллионы манкуртов с расшатанной психикой и кровожадно-антирусскими наклонностями.

Известно, что “антисистемы” сами собой не рассасываются, демоны, души злобы поднебесной сами по себе не исчезают. Здесь нужна борьба. И вот уже более века Россия — в борьбе. И сегодня, по-прежнему против нее — весь мир. Впрочем, и столетие назад у нашей Родины не было иных друзей, кроме собственных армии и флота (как говорил Александр III).

У русского народа, всегда доблестно воевавшего против внешних сил, не нашлось опыта, мудрости, знаний в войне с врагами внутренними. Полчища человекообразных паразитов вгрызлись в тело народное, и подточенный безверием, ослабленный нигилизмом и классовой рознью русский организм не смог оказать им должного сопротивления.

Отсутствие иммунитета к внутренней заразе европейского происхождения, навыков самоочищения — привели к катастрофе и продолжают сохранять условия для ее повторения. Мешали и славянское прекраснодушие, и ложно понятая жалость, и псевдохристианское толкование любви к врагу, мешало и равнодушие к русским национальным приоритетам со стороны многих представителей романовской династии. А кровавые антирусские бесчинства советской эпохи! Как народ допустил такое? Не потеряна ли возможность вернуть Россию в русские руки? Вопросы, вопросы...

Однако после опубликования фундаментальных трудов митрополита Иоанна у нас нет оснований сокрушаться, будто мы не знаем ответов на них. Они даны! И едва ли не исчерпывающие — в его трудах. Главные из них изданы в Петербурге в 1994–1995 гг. издательством “Царское дело”: “Самодержавие

духа. Очерки русского самосознания», «Голос вечности. Проповеди и поучения», «Одолоение смуты. Слово к русскому народу», «Стояние в вере. Очерки церковной смуты», «Русь соборная. Очерки христианской государственности» (эта книга вышла из печати уже после смерти автора). Вот труды, которые должны были стать настольными для каждого русского гражданина, клирика и мирянина, просветителя и воина, для рабочего, крестьянина, предпринимателя, купца. Разве что безрелигиозному, национально кастрированному российскому интеллигенту соприкосновение с истиной, как часто бывало, не пойдет впрок...

Есть основания утверждать, что едва ли не все современные проблемы – из числа духовных, политических, социальных – привлекали внимание владыки, в той или иной степени рассмотрены им. Можно доказать, что за пять петербургских лет своего просветительства пастырь успел сказать все, что нам необходимо.

О чем же писал владыка, каких тем касался? Промысел Божий и свободная воля человека. Глубокая характеристика исторических этапов от начала русской государственности и кончая нашими днями. Русская державность и православная монархия, симфония властей, раскол и чужебесие, ересь жидовствующих, православие и иудаизм, славянофильство и западничество, апостасия, расцерковление и денационализация, главные русские архетипы – империализм, национализм, религиозное мессианство, роль чуда и катастрофизм в русской истории. Таков один круг проблем.

Другой тематический пласт – богоборчество, революция, масонство, закат Европы, предтечи антихриста, фашизм, шовинизм – немецкий и иудейский, марксизм, геноцид, заговорщические планы США и Европы, этапы недавних десятилетий – сталинизм, оттепель, застой, перестройка, ельциниада; евразийство, мондиализм, экуменизм... Темы жгучие, острые, болезненные, порой весьма запутанные. Все они рассмотрены в книгах владыки взвешенно, обстоятельно, с позиций религиозных и научных одновременно.

Анализ и выводы, как правило, опираются на факты, охватывают широкий круг источников и авторитетов. Сила исследователя заключена в том, что его труды вобрали в себя богатейший опыт, бесценную сокровищницу русской религиозно-философской и социально-политической мысли последних столетий. Митрополит Филарет (Дроздов), Н. Данилевский, К. Леонтьев, Ф. Достоевский, еп. Игн. Брянчанинов, К. Победоносцев, Л. Тихомиров, Иоанн Кронштадтский, М. Меньшиков, С. Нилус, А. С. Шмаков, князь Н. Жевахов, А. Селянинов, Н. Марков, А. Карташов, арх. Серафим (Соболев), Ив. Ильин, Ив. Солоневич – вот неполный перечень великих умов, на трудах которых, как на крепчайшем фундаменте, возводился храм русской мысли конца XX – начала XXI столетий. Ни один народ мира не обладает таким могучим и обширным духовным наследием. И в этом ряду – книги магистра богословия и доктора церковной истории митрополита Иоанна. В них – его открытия, раздумия и напутствия нам.

Без сомнения, владыка Иоанн явился одним из крупнейших мыслителей и религиозно-нравственных авторитетов нашего времени. Его исследования, его публицистика – свидетельство нового взлета и цветения русского православно-богословского и историко-философского творчества, – всегда бесстрашного, исполненного благодатной глубины и правды. Митрополит стал духовным отцом и путеводителем русского народа. А если вспомнить, что именно судьба России не раз становилась эпицентром мировой истории, то значение деятельности владыки возрастает до масштабов общечеловеческих.

Мне уже приходилось высказывать мысль, что всемирное, Промыслом предугазанное назначение России в новейшую эпоху – завершить окончательное разоблачение двух грандиозных социально-политических химер, ослепивших человечество: химеры марксизма и химеры демократии. Выпустив из русского народа океан крови, марксизм безвозвратно потонул в ней, обнаружив до конца всю свою человеконенавистническую природу.

Сатанинская гидра демократии, сменившей марксизм, хищно охватила своими щупальцами Россию, дышит нам в лицо, кружа головы безбожным недоумкам, разит смертоносными стрелами сотни и тысячи безвинных русских жертв. Страна своими язвами показывает миру, к чему ведет демократия, дошедшая до своего логического предела: она сеет только разложение и смерть. Ни одна диктатура за всю историю человечества не додумалась расстрелять

избранный народом парламент. Только при демократии оказалось возможным раздвинуть политических противников столь циничным и жестоким образом. Российская оккупационная демократия полноту своего торжества отметила “салютом” из танковых орудий, стрелявших по безоружным людям, среди которых были женщины, дети, пожилые. . .

Демократию беспощадно обличали лучшие русские умы XIX-XX веков. Значителен и вклад митрополита Иоанна: его глава “Великая ложь демократии” (в книге “Самодержавие духа”) развенчивает доктрину, заразившую сегодня весь мир. В этой главе неопровержимо доказывается, что все идеи демократии замешены на лжи: “Ни в одной из стран, считающихся демократическими, народ на деле не правит. . . власть всегда в руках узкого слоя, немногочисленной и замкнутой корпорации”. Воплощение демократии всегда означает власть количества над качеством, создается абсурд — истину и справедливость, добро и зло определяют арифметическим большинством голосов. . . Политическую основу демократии — всеобщее прямое избирательное право — владыка характеризует как явление аморальное и разрушительное. Показаны фальшивость идеологических, юридических, правовых и экономических основ этой системы.

Никому так и не удалось воплотить в жизнь внешне броский лозунг “свобода, равенство, братство” — но хорошо известно, что под прикрытием этого призыва прошли две самые кровавые революции: французская и русская. Столь же лжив и тезис о “правах человека”, за которым кроется абсолютизация индивидуализма, характерная для западноевропейского “менталитета”. Глава “Великая ложь демократии” объясняет, почему применение ее принципов в практике государственного строительства закономерно приводит к распаду и разложению.

И разве русский народ на себе самом не убедился в том, что, “настроив правовую систему определенным образом, можно исподволь и незаметно, действуя полностью в рамках закона, развалить изначально прочную страну, растлить здравый и нравственный народ”?

Крайне важно и указание на то, что либерально-демократическая идея давно уже используется “мировой закулисой” как инструмент разрушения общества и захвата реальной власти — ее можно называть как угодно: властью мирового масонства или международного капитала, транснациональных корпораций или космополитической элиты. . .

Тем же подрывным целям служит неотъемлемая от демократии система так называемой многопартийности, при которой вообще невозможно здоровое, самобытное развитие России. Политические партии, фальшивый плюрализм — по слову митрополита — являются “идеальным орудием разрушения единства народного самосознания”. Русский же опыт предусматривает не партийные, а соборные формы гармонизации общественных интересов.

Обнажая глубину лжи демократии, владыка опирался не только на политический опыт XX века, но и на суждения выдающихся умов прошлого — К. Победоносцева, М. Каткова, Л. Тихомирова, чьи приговоры демократии позднее полностью подтвердились. В своей совокупности их труды составляют истинную сокровищницу мировой антидемократической мысли.

К этой чрезвычайно актуальной сегодня проблематике примыкает круг размышлений митрополита о самодержавии и монархии. Наиболее подробно тема рассмотрена в разделе “Самодержавие и Россия” (в книге “Одоление смуты”). Теперь, когда у народа есть возможность сравнивать, особенно очевидно, что монархия действительно есть наилучший, наиболее гармоничный, устойчивый и справедливый способ общественной организации. Вывод автора непреложен: “Именно монархия является оптимальной, исторически опробованной, естественной формой государственного бытия российской цивилизации”.

Однако не менее важно и замечание, что восстановление монархии в России немислимо “без одновременного духовного возрождения и всестороннего просвещения обманутого и оболганного русского человека”. На это, на необходимость национальной диктатуры как предшественницы монархии, указывал замечательный русский мыслитель И. А. Ильин.

Авторитет владыки — вероучителя, наставника, мыслителя и гражданина — жидился и на его бесстрашном движении навстречу самым острым, самым опасным вопросам времени. Одна из ключевых проблем XX столетия — русско-еврейские отношения. В СССР на протяжении десятилетий эта тема оставалась абсолютно запретной. Само слово “еврей” приобрело какой-то

грозный, почти inferнальный смысл. Я знал немало русских людей, которые былыми произносили громко это слово, а когда слышали его, шараяли в сторону. Столь же ужасным образом, но в ином роде, слово это действовало на самих евреев. По моим наблюдениям, если русский называл еврея евреем, то зачастую это вызывало почти иррациональные реакции: приступ озлобления и обвинения в... антисемитизме.

Вразумительного объяснения этих психологических (или мистических?) “странностей” вы не найдете в изданных у нас книгах по разоблачению сионизма. Причины все те же — беспощадное табу, которое правящий режим накладывал на эту тему. Между тем актуальность ее росла и продолжает возрастать.

Понимая, конечно, меру опасности и ответственности, митрополит Иоанн мужественно углубился в пучины этого вопроса, осветив его христианским светом правды, объективности и нелицеприятности. Наиболее детально русско-еврейские отношения рассмотрены в разделах “Творцы катаклизмов” и “Творцы катаклизмов: реальность и мифы” (книга “Одоление смуты”).

Рассказ о так называемой “ереси жидовствующих” содержит одноименная глава книги “Самодержавие духа”. Ересь была одной из первых агрессивных попыток иудаизма внедриться в русское духовенство и добиться влияния на властные, в том числе и придворные круги (конец XV в.). Нет места вдаваться в подробности борьбы с этим чужеродным вторжением, но нельзя не согласиться с выводом владыки о том, что “ересь жидовствующих” по сути “больше напоминала идеологию государственного разрушения, заговора, имеющего целью изменить само мироощущение русского народа и формы его общественного бытия”.

Исследователь анализирует русско-еврейский вопрос в нескольких измерениях: духовном, политическом, нравственно-психологическом и историческом. Его суждения основаны на строгих свидетельствах, документах, на достижениях исторической науки. Критерии оценок исходят из православных догматов и подходов. Пользуясь источниками, владыка избегает пропагандистских напластований и какой-либо предвзятости.

В историческом аспекте русско-еврейским отношениям по крайней мере тысяча лет. Отношения были по сути постоянным противостоянием. О последнем этапе этого процесса писал А. И. Солженицын в своем историческом исследовании “Двести лет вместе”.

В книге “Одоление смуты” перечислены многие запретительные законы и постановления, которыми пытались оборониться от еврейского натиска русские князья и цари (св. Владимир, Иван III, Иван IV, Петр I, Екатерина I, Елизавета и др.). Один из русских исследователей начала XX века, напомнив все, никем не отмененные правительственные указы, высказал мысль, что с юридической точки зрения само пребывание евреев в России — “контрабандно”...

Конечно, неуместно сегодня придавать данному вопросу расовую или узкоэтническую окраску. Владыка пишет определенно: это проблема духовная, “межрелигиозных, но вовсе не межнациональных отношений, церковь не делит и никогда не делила своих чад по национальному признаку”. Речь идет о “религиозной войне”, которую ведет иудаизм против Церкви Христовой, о непримиримом противоречии двух религиозных мировоззрений, по-разному определяющих идеалы народного бытия, нравственные нормы и понимание смысла жизни.

Вот что написано о природе талмудической “избранности” в уже упомянутых разделах: “Православное понимание своего избранничества есть понимание обязанности служить ближнему своему. Избранничество же иудея есть избранничество на господство над окружающими людьми”. Вот где коренятся первопричины того, что иудейский, антихристианский экстремизм в XX веке “оставил в русской судьбе страшный кровавый след”.

Пастырь призывает нас не уклоняться от анализа и оценки той “непропорционально огромной роли, которую сыграла (да и до сих пор играет) в русской смуте иудейская община России”. Да, списки руководящих партийно-государственных лиц после 1917 г. “потрясают воображение”. А чтобы подавить русское народное сопротивление, правящая бандократия объявила его антисемитизмом и ввела против него закон о высшей мере наказания... В разделе “Творцы катаклизмов: реальность и мифы” приведена содержательная цитата из сборника “Россия и евреи” (Берлин, 1924). Один из еврейских авторов

свидетельствовать: “Русский человек никогда не видел еврея у власти. Были и лучшие, и худшие времена, но русские люди жили, работали и распоряжались плодами своих трудов, русский народ рос и богател, имя русское было велико и грозно. Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти... Русский человек видит еврея и судьей, и палачом. Не удивительно, что, сравнивая прошлое с настоящим, он утверждает в мысли, что нынешняя власть — еврейская и что потому именно она такая осатанелая... Русский человек верит: жиды погубили Россию. В этих трех словах и мучительный стон, и надрывный вопль, и скрежет зубовой... Волны юдофобии заливают теперь страны и народы, и близости отлива еще не видно. Именно — юдофобия: страх перед евреем как перед разрушителем”.

С горечью писал митрополит, что с тех пор мало что изменилось, и приволил тому многочисленные свидетельства. Антирусская в подавляющем большинстве пресса была переполнена русофобскими заявлениями. К примеру, известная демократка госпожа Новодворская писала: “Пойдем против народа, мы ему ничем не обязаны... На месте России может остаться пепелище, тайга, братская могила... Нам нельзя ее жалеть”. А святотатственный вызов хасидов, отпраздновавших свою “хануку” в Кремле? Это стало возможным, как писал израильский журнал “Алеф”, только после того, как министром иностранных дел стал А. Козырев, “известный своей приверженностью религиозным взглядам хасидов”.

А разве не обнаруживал своих просемитских симпатий премьер В. Черномырдин, когда поздравлял иудеев с религиозными праздниками. Разве ни кишело “творцами катаклизмов” окружение Б. Ельцина? Но стоило кому-то обнаружить русофильские взгляды, как его немедленно удаляли из правящей “команды”, как это происходило с вице-премьером В. Полевановым, с председателем Роскомпечати Б. Мироновым.

Возникали и новые проблемы, также связанные с еврейским религиозным и политическим экстремизмом. Владыку очень встревожила еврейская экспансия в русское священство, что породило “опасность возрождавшейся ереси жидовствующих, вносимой в Церковь многочисленными священниками еврейского происхождения”.

Автор затронул и еще одну важную тему, обычно вызывавшую истерическую реакцию в космополитических кругах. Речь о “Протоколах сионских мудрецов”. Являлись ли они “фальшивкой”? Все, что и происходило с Россией в XIX и XX веках, находится в ошеломляющем, детальном соответствии с планами, изложенными в “Протоколах...” Уже одно это снимало для митрополита становившийся бесплодным вопрос — подлинны они или подделка. В разделе “Битва за Россию” он с научной взвешенностью разбирает эту тему и дает недвусмысленный ответ: “Разрушительные принципы, отраженные в цитированных выше документах, не только не устарели, но получают уточнение и развитие до наших дней... вполне открыто, на самом высоком политическом уровне”. Как свидетельствует академик Олег Платонов, “именно евреи стали одной из самых активных сил по разрушению ценностей русской цивилизации”.

Однако митрополит с пастырской взвешательностью убеждал русских читателей: в том, что произошло и происходит, прежде всего наша собственная вина, отсутствие в русских людях национального достоинства и патриотизма. И до тех пор, пока “мы сами не научимся любить свой народ, свое Отечество и его историю, свои святыни — мы и других не сможем научить нас уважать”. Если не сделать должных выводов из опыта, оплаченного морями крови, миллионами жертв, то, как пишет владыка в другом месте, “мы станем предателями и изменниками великого русского дела”.

Спрашивать с себя, первый счет предьявлять себе — исходный, истинно христианский канон, обязательный для каждого православного человека. Не уставая напоминать о нем, владыка всегда конкретно указывал на необходимые пути и способы общественно-государственного решения вопроса. В книге “Одоление смуты” прочтем: “Племенные вопросы в России должны разрешаться сообразно готовности отдельной народности служить России... в достижении общегосударственных задач”. Не менее актуальны и строки о “местном самоуправлении” (модная у демократов тема) — государство должно следить, чтобы “это самоуправление нигде не клонилось к ущербу русских народных интересов — религиозных, умственных, хозяйственных, правовых и политических”.

Ответы, как и всегда у митрополита, — емкие, четкие и пронзительные горячим сочувствием к страданиям русского народа и любовью к России.

В “русском узле”, который развязывают, объясняют труды владыки Иоанна, можно выделить наиболее крупные и острые проблемы: русские задачи, демократия, межнациональные отношения. Но читатель найдет у автора содержательные размышления и по поводу многих иных вопросов, выдвинутых нашей историей в XX веке.

Глубокий, всесторонний анализ “перестройки” представлен в разделах “Русский узел” (“Одоление смуты”) и “Перестройка” (“Самодержавие духа”)! Сценарий ее был запущен сразу после Второй мировой войны (план Даллеса) и предполагал “дискредитацию господствующего мировоззрения, затем его резкий шоковый “сброс” и быструю замену на новое либерально-демократическое — внешне привлекательное, но для России не менее разрушительное по сути”. Исполнители — “кучка руководителей-ренегатов и пятая колонна агентов влияния”. Операцию провели под наркозом СМИ, обеспечивших анестезию инстинкта самосохранения. Итог: разрушение державы, ускорение процессов геноцида и ограбления народа. Место пролетарского интернационализма заняла идеология интернационализма демократического. “Только и всего”... — заключает митрополит.

Автор одним метким словом определяет сущность явления. Например, о горбачевском правлении — период “по сути ликвидационный”. О последовавшей ельциниаде: в стремительно нищающей стране создана “чудовищная по своему цинизму система власти коррумпированной и бесконтрольной, скрывающей за псевдодемократической риторикой полное презрение к закону и целенаправленное стремление к диктатуре”; страна “наполовину управляется из-за рубежа”.

О виновниках братоубийственной бойни в октябре 1993 г. — “сегодня несмываемая каинова печать жжет лоб не одному и не двум российским политикам”.

А как возмущен был митрополит отношением властей к другой ужасной бойне — в Буденновске. Бандиты бесчинствовали и убивали безнаказанно: “Власти лишь невразумительно бормочут, что “ситуация под контролем”. Президент занят — уехал в Канаду, “за семь верст киселя хлебать”. Министры все разом онемели. Виноватых нет... Это же предел нравственного разложения”.

В той же статье “Шила в мешке не утаишь” (“Советская Россия”, 1995, 20 июня) убедительно опровергалась кощунственная ложь о якобы бытующем “русском фашизме”. На самом деле в стране процветает “антирусский, злобно русоненавистнический, русофобский фашизм”. Именно это вызывало тревогу и возмущение митрополита. Разоблачая клеветников, он цитировал “Памятную записку” Гиммлера (1940): “Необходимо уничтожение биологической силы русского народа путем негативной демографической политики”. Далее, опираясь на цифры статистики, владыка делал страшный вывод о том, что проводимая ельцинским режимом политика геноцида русского народа находилась “в соответствии с нацистскими установками, Россия вымирает”. Срывая маски с правителей 1990-х годов, он обнажал нерасторжимую преемственную связь доктрины Гиммлера — через Даллеса, Бжезинского, Киссинджера, Клинтона — с политикой Горбачева и Ельцина, ставленников наиболее враждебных России сил.

Митрополит-воин не прекращал своей духовной брани ни на мгновение. За несколько недель до кончины в печати появилась его гневная статья, разоблачающая “дьявольский суррогат” соборности, который в области религиозной прикрывается лжеучением о необходимости объединения всех вероисповеданий (экуменизм), а в области политической — лжеучением об объединении человечества в единое сверхгосударство с общим мировым правительством (мондиализм). Статья “Смотрите не ужасайтесь...” (“Советская Россия”, 1995, 5 октября) указывала на экуменизм, как на большую опасность, наряду с безверием нашей эпохи, в связи его с мировым масонством. Ибо, являясь идеологическим, мировоззренческим фундаментом “нового мирового порядка”, единая лжерелигия призвана “обосновать необходимость разрушения суверенных национальных государств”.

Своим каждодневным подвигом владыка показывал, что означает понятие — воинствующая Православная Церковь. И самые последние документы, подписанные им накануне смерти, свидетельствуют о его неукротимой, само-

отверженной борьбе — за веру, за Отечество, за народ русский, в котором он властно будил чувство патриотизма, призывал “воспитывать... чувство национального единства вместо нынешнего духа наживы”. Об этом говорилось в обращении к участникам парламентских слушаний Государственной Думы, посвященных второй годовщине событий сентября-октября 1993 г.

В другом документе, также подписанном 30 октября 1995 г., — в “Обращении к российским военнослужащим, защищающим таджикско-афганскую границу”, — владыка напоминал, что могущество и процветание Руси испокон веков держалось “на двух столпах — воинстве и монашестве”. В тексте обращения — наказ стоять твердо в своем служении Отечеству: “Наша святая обязанность — отстоять этот Божий дар, вернуть Святой Руси ее бывшее державное величие и духовную мощь, оградить ее от всякого рода воров и грабителей, не допускать растаскивания по клочкам, по усобицам, по уделам”. И сегодня эти предсмертные строки читаются как завещание пастыря-воителя, ставшего духовным отцом, духовным главой Русского сопротивления сатанинскому натиску.

Митрополита Иоанна яростно травили, на него бессовестно клеветали, не брезгуя и гнусными оскорблениями. К русофобским СМИ, телевидению и радио у него доступа не было. Нагнетали слухи о близком и неминуемом смещении “впавшего в политику” строптивца...

Господь взял его к себе, дав владыке до конца исполнить свое земное служение. За два дня до кончины он проводил встречу (делал это регулярно) с петербуржцами, в Концертном зале у Финляндского вокзала. Когда в перерыве один из журналистов спросил митрополита о здоровье, тот ответил предсмертной фразой св. Иоанна Златоуста — “Скажу кратко: слава Богу за все”. Чувство исполненного долга запечатлелось на его лице и после кончины — он лежал в гробу с удивительно спокойным, просветленным, почти улыбающимся лицом.

Тихий, скромный, кроткий в общении, щедро источавший любовь к людям человек. И бесстрашный, непримиримый, бескомпромиссный воитель с антирусскими силами, не знавший передышки борец за Веру и Правду. Как заметил его келейник, иеромонах Пахомий, “владыка погиб на духовном фронте”.

На официальный прием в гостиницу “Северная корона” митрополит Иоанн поехал в намерении продолжить переговоры о возврате церкви лаврских помещений. На приеме к нему подошли мэр А. А. Собчак с супругой. Поздоровались. И вдруг владыка изменился в лице (“будто что-то увидел”, — рассказывают очевидцы), отшатнулся, выпустил из рук посох и стал опускаться на пол...

“Скорая” приехала через пятнадцать минут, бригада реанимации — через сорок пять. Пешей ходьбы от гостиницы, где скончался владыка, до городского центра “Скорой помощи” у площади Льва Толстого — не более десяти минут...

Что увидел митрополит в последние свои мгновения? Что так потрясло его? Тайну “увиденного” он унес с собой в могилу.

Ближние владыке люди знали об одном мистическом видении, посетившем его в юности и определившем его иноческий путь. Произошло это в день памяти преподобного Серафима Саровского. Юноша пришел на танцплощадку и наблюдал за сверстниками. И вдруг с его глаз как бы спала пелена: очищенным взором он увидел не веселящихся людей, а их настоящих хозяев — “кривляющихся бесов, от которых исходило ужасное зловоние и леденящий душу холод”. И молодой человек стремительно бежал от этого вертепа. Бежал ко Христу, к тому, кому вручил свою душу 2 октября 1995 года.

Петербургский архипастырь остро чувствовал трагедию России. Ее скорбями и муками народа было истерзано его сердце... Он видел — Святая Русь повторяет путь Христа. Претерпевшая многолетнее “вавилонское пленение”, распятая на своих огромных просторах иудо-масонскими богоборцами, пронзенная копьем интернационал-демократии, истоптанная вырвавшимися на свободу разбойниками, страна истекала кровью, испытывала неслыханные унижения, переживая, быть может, самые страшные свои мгновения. И разве не был слышен владыке стон обессилившей Родины: Господи, для чего Ты меня оставил?..

Но митрополит верил, что испившая крестную чашу, казненная Россия — воскреснет! Источником этой убежденности служила не только вера в чудо,

но и реальность начатого горсткой русских патриотов великого дела русского возрождения. “Перед Богом и собственной совестью мы обязаны довести его до конца... С Богом ничего не страшно, а без Него напрасно и бессмысленно”, – завещал владыка Иоанн.

Находясь в полноте благодати Божией, исповедуя верность законам духовным, ведомый Промыслом, которому он был открыт всем сердцем, владыка имел возможность истинами небесными осветить истины нашей земной жизни. Его поучения неотразимы по своей простоте, доступности и как бы исчерпывающей убедительности. Он действовал и проповедовал на высоте апостольской и русской святоотеческой традиции. Это пророк, посетивший по воле Господней Россию в пору самой страшной за минувшее тысячелетие ее катастрофы... Потому – так безмерна была его потеря. “Не только православие русское, в лице святого священника все христианство утратило величайшего своего представителя”, – эти слова М. О. Меньшикова о кончине Иоанна Кронштадтского с полным основанием можно отнести и к митрополиту.

Владыку Иоанна похоронили на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Могила его – в архиерейском уголке, у монастырской речки. За близко стоящей внешней оградой – шумят транспортные потоки, непрерывно режут, завывают, скрежещут моторы. Какофония механической цивилизации. Железное дыхание города. В сумерках – лихорадочная пляска огней, вспышки автомобильных фар... Здесь нет обычного кладбищенского покоя.

Враги могут вывезти из России новые сотни тонн золота, перекачать моря нефти, продать наши алмазы, лес, руду, но никогда им не истребить, не отнять у нас золотое слово архипастыря всея Руси высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Никогда не погасить излучаемый им духовный свет, не уничтожить память народную. Они – навечно с нами, и это – главное наше бесценное богатство.